

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ КУРСА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П. УЖКАЛЬНИС

Дооктябрьский период

I

Советское литературоведение прошло несколько этапов изучения литературы народов СССР: от выявления отдельных памятников прошлого до построения «Историй» отдельных национальных литератур (30—60-е годы) и создания единой «Истории советской многонациональной литературы».

Задача создания «Истории» всесоюзной литературы¹ была поставлена М. Горьким на I съезде советских писателей². Более конкретно вопрос изучения и освещения литературы народов СССР обсуждался на втором пленуме правления Союза советских писателей в марте 1935 г.³ Эта идея оказалась настолько грандиозной, что к ее решению стало возможным приступить лишь через четверть века: до 60-х годов еще не были созданы научные предпосылки для синтеза многонационального литературного процесса.

Литература народов СССР как предмет вузовского изучения начинает свою историю в тридцатые годы, вскоре после I съезда советских писателей. В Литературном институте имени Горького, а позднее — в МГУ и ряде других вузов было начато чтение обзорных лекций по отдельным национальным литературам под общим названием «Литературы народов СССР». Установка на разрозненное изучение позднее была узаконена в «Программе» по курсу «Литературы народов СССР» (МГУ, 1958 г. II изд. — 1962 г.). В основу «Программы» была положена удачная классификация многонациональной литературы по историко-географическому и этнографическому принципам: 1) Литературы восточных славян, 2) Литературы народов Прибалтики, 3) Литературы народов Кавказа, 4) Литературы народов Средней Азии и Казахстана, 5) Литературы народов Поволжья и 6) Литературы других народов СССР. Этим был сделан первый шаг к упорядочению все возрастающего количества литературных фактов. В то же время «Программа» санкционировала так называемый «выборочный» метод применительно к местным условиям. Такое половинчатое решение было неизбежным

¹ Терминология М. Горького

² Подробнее об этом: Горький и литература народов Советского Союза. Ереванский гос. университет. ИМЛИ, АН СССР, Ереван, 1970, с. 49—56, 144—156.

³ Второй пленум правления Союза советских писателей СССР, март, 1935. Стенографический отчет, с. 512.

ввиду отсутствия «Истории» литературы народов СССР и слабой разработки методологических принципов построения курса. Появление шеститомной «Истории советской многонациональной литературы», все увеличивающееся количество монографических исследований свидетельствуют о том, что изучение литературы народов СССР вступило в новую фазу: от разобщенного — к единому. Нельзя не согласиться с Г. Н. Пospelовым, который говорит: «Наука о литературе не может ограничиваться выполнением фактографических и классификационных задач. Если этому не препятствуют идеологические предрассудки самих ученых, она не может не переходить к разрешению еще более сложной и важной задачи, — к выяснению **закономерностей** исторического развития литератур различных народов мира и через это к **объяснению** такого развития»⁴.

В I томе «Истории советской многонациональной литературы» Л. Тимофеев дал наметку будущей «Истории литературы народов СССР дооктябрьского периода». Он начинает изучение с героического эпоса, письменной литературы с IV—V века до Великой Октябрьской социалистической революции⁵. Ленинское учение о культурном наследии и вся логика советского литературоведения в 70-ые годы привели к задаче создания «Истории» дооктябрьского периода⁶.

В 1972—1973 гг., в связи с полувековым юбилеем Советского многонационального государства, вопросы изучения истории многонациональной литературы во всем ее объеме, создания «Программы» и учебных пособий снова появились на повестке дня наших вузов. Свидетельством этого является межреспубликанская конференция преподавателей литературы народов СССР, состоявшаяся 17—18 ноября 1972 года в Ленинградском гос. университете им. Жданова, появление статей на страницах периодических изданий Московского⁷ и Ленинградского⁸ университетов, а также П. Бороздиной⁹, Р. Беридзе¹⁰ и других авторов. Особый интерес представляют работы Р. Г. Бикмухаметова, Т. Я. Гринфельд и П. Бороздиной.

⁴ Г. Н. Пospelов. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972, с. 5—6.

⁵ История советской многонациональной литературы. Т. I, гл. I, с. 57—74, М., 1970.

⁶ Разработка «Истории литературы народов СССР дооктябрьского периода» в Вильнюсском гос. университете ведется с начала 60-х годов. В 1966 г. появилась «Советская многонациональная литература» (введение), 1967 г. — «Геронический эпос народов СССР», 1969—1972 гг. — две части «Истории литературы народов СССР IV—XVIII веков» («От Рудаки до Донелайтиса», на лит. яз.).

⁷ Р. Г. Бикмухаметов. Курс истории литературы народов СССР в системе филологического образования. — «Вестник Московского университета». Филология, 1972, № 6.

⁸ Т. Я. Гринфельд. Курс «Литературы народов СССР» в вузах. — «Вестник Ленинградского университета», 1973, № 2, вып. I.

⁹ П. Бороздина. Единая и многообразная. — «Подъем», 1972, № 6 (Воронеж).

¹⁰ Роланд Беридзе. Проблемы комплексного изучения художественного творчества. — «Литературная Грузия», 1972, № 12.

Статьи Р. Г. Бикмухаметова и Т. Я. Гринфельд рисуют объективную картину изучения нашей многонациональной литературы на современном этапе. Авторы, признавая бесспорные достижения в этой области, вскрывают ряд серьезных методических и методологических недостатков. «Известно,— пишет доцент МГУ Бикмухаметов,— что в связи с неразработанностью системно-тематических основ курса в институтах и университетах страны он преподносится весьма различно. Подчас основное внимание уделяется дореволюционному периоду, часто в центре оказываются лишь одна какая-либо группа литератур народов СССР (поволжская, закавказская, среднеазиатская, сибирская, дагестанская...). Профессура иных университетов... предпочитает читать историю литератур народов СССР по алфавиту» (с. 73). Бикмухаметов признает, что «Программа» 1962 г. устарела, «многонациональная советская литература как предмет самостоятельного учения в ней не выделена» (с. 74). Следует лишь добавить: в «Программе» как 1958, так и 1962 года вообще отсутствует периодизация истории многонациональной литературы, в ней не выделен ни один период, каждая национальная литература дана обособленно.

Статья тов. Бикмухаметова представляет интерес при разработке «Введения» в литературу народов СССР» (или вводной части курса). Она вносит определенный вклад в поиск конструкции курса. Одновременно приходится отметить некоторые методические и методологические уязвимые положения статьи. Прежде всего вызывает сомнение определение советской многонациональной литературы как «суммы литератур» (вместо бытующего термина «братского содружества», с. 75) — в сумме обычно исчезают слагаемые. Требуется уточнения трактовка советской литературы, как своеобразного слепка с действительности: «История многонациональной советской литературы отраженно повторяет историю советской страны, историю ее республик, национальных областей, национальных округов» (с. 76). Мышление, тем более художественное, не прямо отражает действительность, не копирует ее: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии»¹¹.

Кроме того, категория время и понятие художественное время, документальная правда и художественная, как убедительно показали М. Храпченко и Г. Ломидзе, далеко не адекватны¹².

Формулировка Р. Бикмухаметова напоминает бытовавший в свое время взгляд на советскую литературу с краеведческих позиций. М. Горький, как известно, исправил подобное сравнение и назвал советскую литературу не краеведением, а человековедением. Против

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, с. 330.

¹² М. Б. Храпченко. Семиотика и художественное творчество. Контекст. 1972. Литературно-теоретические исследования. АН СССР, ИМЛИ, М., 1973, с. 67—69; Г. Ломидзе. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М., 1972, с. 163.

прямолинейных аналогий литературных и исторических процессов высказалась в тридцатые годы Н. К. Крупская¹³.

В статье доцента Ленинградского университета Т. Я. Гринфельд основное внимание сосредоточено на поисках решения назревших вопросов усовершенствования курса. «При громадном богатстве литературных явлений, составляющих сегодня понятие литературы народов СССР, только лишь монографическое изучение национальных литератур уже не может дать желаемых результатов — неизбежно возникают эмпирическая описательность и повторения, нагромождение однотипных фактов без внутреннего теоретического «порядка»...

Назревшей потребности «в системе» изучения литератур народов СССР отвечает и настойчивый интерес советских литературоведов к методике типологии»¹⁴.

Достоинством статьи Т. Я. Гринфельд является попытка разобраться в разных проектах решения проблемы построения будущей единой «Истории» литературы народов СССР. Из всех способов или методов автор предпочитает проблемно-тематический или историко-типологический. Т. Гринфельд выделяет примерно такие «узлы» этого метода: «1) Истоки традиций. Тип перехода или участия фольклорного творчества в литературе. Литературные традиции; 2) Национальная специфика творческих методов до социалистического реализма; 3) Становление социалистического реализма в литературах народов СССР. «Ускоренное развитие» младописьменных литератур; 4) Национальное своеобразие современной литературы. Закономерности развития жанров в национальных литературах. Национальный стиль. Национальное и интернациональное; 5) Взаимодействие литератур. Роль художественного опыта русской литературы в развитии литератур народов СССР...»¹⁵.

Структура курса и «Программа» до сих пор не разработаны. Потребуется уточнения и схема Т. Я. Гринфельд. «Национальная специфика» (§ 2), «Национальный стиль...» (§ 4). О какой эпохе идет речь? Вообще? «Участие фольклорного творчества...» (§ 1)—в какой период (эпоху)? Тут потребуются усилить исторический фундамент, ввести периодизацию, без которой история становится запутанным клубком разноречивых явлений. «История создавалась и создается во времени,— говорит М. Горький,— рассказ о ходе ее требует точной хронологии, без которой «исторические связи» и взаимоотношения, взаимодействия, не могут быть поняты»¹⁶.

¹³ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах, т. III, 1959, с. 319.

¹⁴ Т. Я. Гринфельд. Курс «Литературы народов СССР» (в вузах) с. 88—89.

¹⁵ Там же, с. 92—93.

¹⁶ М. Горький и советская печать. Архив А. М. Горького, т. X, кн. I. АН СССР, ИМЛИ, М., 1964, с. 391.

Нельзя не согласиться с итоговой мыслью автора: «в любом варианте не должны оставаться в забвении методологические цели курса, и история одной литературы не должна заменять многонациональной литературы народов СССР»¹⁷.

Доцент П. Бороздина в своей статье сосредоточивает внимание на процессе формирования **единой** многонациональной литературы советского периода, ее поступательном движении, появлении большого отряда младописьменных литератур, расцвете всей многонациональной литературы за годы Советской власти. В статье убедительно показан процесс сближения, единения и расцвета национальных литератур. «Происходящий процесс синтезирования опыта прошлого и непрерывного обновления искусства,— пишет автор,— ведет к еще большему расцвету единой и многообразной советской литературы»¹⁸.

Интерес к методологическим вопросам построения курса свидетельствует о значительном росте уровня научно-педагогической мысли. Налицо положительные сдвиги в сторону единого курса «Литературы народов СССР», охватывающего **все этапы** многонационального литературного процесса.

II

Подготовительная стадия — учет наследия и литературных явлений советского периода, издание «Очерков» и «Историй» национальных литератур,— все это в основном пройденный этап.

Появление многотомной «Истории советской многонациональной литературы» еще больше приблизило наше литературоведение к созданию единой «Истории литературы народов СССР».

С чего следует начать конструирование «Программы» и вузовского курса «Литературы народов СССР»? По-видимому,— с дополнительной систематизации всего литературного материала и выработки научно обоснованной периодизации. Во избежание ошибок и лишней траты времени в вопросе периодизации следует учесть положительный опыт изучения отдельных национальных литератур, «Истории философии в СССР», «Всемирной истории», истории эстетической мысли, театра и др. гуманитарных наук. Успех дела зависит и от выбора исходных принципов. Следует признать, что 1) **курс литературы народов СССР является единым. Он охватывает литературный процесс всех национальных литератур народов СССР на протяжении всей их истории;** 2) учитывая отсутствие учебников по истории литературы народов СССР и слабую предварительную подготовку аудитории, курс много-

¹⁷ М. Горький и советская печать. Архив А. М. Горького, т. X, кн. I. АН СССР, ИМЛИ, М., 1964, с. 25.

¹⁸ П. Бороздина. Единая и многообразная.— «Подъем», 1972, № 6, с. 148.

национальной литературы целесообразно построить по следующей схеме:

а) **Введение.** В нем должны быть в сжатом виде даны объяснение **сущности предмета**, краткая история появления и развития великого братского содружества национальных литератур в условиях советского социалистического государства; истоки и предпосылки образования единой советской многонациональной литературы, исторические пути общения, сближения и единения советских национальных литератур. Особое место во «Введении» следует отвести освещению роли учения Ленина, политики Коммунистической Партии и Советского государства, значения успехов культурной революции и социалистического строительства в деле расцвета культуры и литературы народов СССР, теме: М. Горький — основоположник советской многонациональной литературы. Во «Введении» следует напомнить сущность метода социалистического реализма, вкратце осветить появление и расцвет младописьменных литератур. И, наконец, следует остановиться на вопросах метода построения курса и принципа периодизации литературы народов СССР. Завершает «Введение» библиографическая справка о важнейших учебных пособиях.

б) Курс «Истории» целесообразно разбить (по примеру «Истории национальных литератур, «Истории философии в СССР», «Истории СССР» и т. д.) на две части: 1) **«История литературы народов СССР дооктябрьского периода»** и 2) **«История советской многонациональной литературы»**. Монографическое изучение отдельных национальных литератур или отдельных памятников, творчества выдающихся писателей должны иметь **подчиненный** характер и соответствовать «Программе».

Какой исходный принцип должен быть положен в основу конструкции курса? На ленинградской конференции преподавателей литературы народов СССР в ноябре 1972 г. выявилось наличие 4-х типов конструкции курса: 1) **выборочный** — наиболее распространенный (на усмотрение преподавателя с охватом одной-двух национальных литератур); 2) **типологический** — ориентация на исторически повторяющиеся свойства литератур народов СССР; 3) **синхронный** — не был четко раскрыт (подразумевает прослеживание определенных явлений в литературном процессе от исходной точки до их завершения); 4) **исторический**. Комиссия по выработке проекта программы приняла за основу исторический принцип с учетом прослеживания типологических явлений в многонациональном литературном процессе.

Исторический принцип зиждется на всей практике изучения истории любого предмета, в том числе истории литературы мировой и отдельных национальных литератур. Методологически он опирается на учение марксизма-ленинизма.

В. Ленин настаивал на том, чтобы «каждое положение рассматривать лишь (α) исторически, (β) лишь в связи с другими, (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁹.

В ряде других работ Ленин повторил и дополнил эти требования, предлагая рассматривать предмет и явления с учетом их **исторического возникновения и развития**, оценивать их «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего»²⁰. Отстаивая принцип историзма, как метод познания, обоснованный классиками марксизма («Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»²¹), В. И. Ленин предлагал: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²².

Историческая обусловленность (закономерность) явления, историческая взаимосвязь его с окружающей средой, связь явлений с **«конкретным опытом истории»** — эта марксистско-ленинская установка имеет первостепенное значение для **всей** науки, в том числе и для истории литературы, ее «чисто литературных», т. е. эстетических свойств.

Возникает вопрос: в каком соотношении находится **типологический** принцип изучения литературы с историческим? Исторический принцип изучения литературы народов СССР охватывает все стороны литературного анализа, в том числе и типологический. Нельзя не согласиться с Г. Н. Поспеловым: «Существует и может существовать только одна наука о литературе — историческое литературоведение со своей теорией»²³. Типология — основная магистраль изучения истории многонациональной литературы. Но типологическое исследование зиждется на том же историческом фундаменте.

При разработке методологических установок «Истории» всегда следует руководствоваться ленинским учением о **партийности** литературы, которое обязывает «при всякой оценке события прочно и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»²⁴ и учение Ленина о **двух культурах** в каждой национальной культуре. Должны быть учтены концептуальные установки М. Горького о характере многонациональной советской литературы.

Основой основ методологии истории литературы народов СССР дооктябрьского периода является ленинское учение о **литературном нас-**

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 49, с. 329.

²⁰ Там же, т. 26, с. 77.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 16. Примеч.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 39, с. 67.

²³ Г. Н. Поспелов. Проблемы исторического развития литературы, М., 1972, с. 6—7.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 1, с. 380—381.

ледстве, его требование усвоить **всю культуру**, которая осталась от прошлых формаций, «всю науку, технику, все знания, искусство»²⁵, критически переосмысливая наследие прошлого.

Нельзя упускать из виду и другую основополагающую методологическую установку: «История литературы народов СССР» должна строиться в неразрывном контакте с историческим развитием общества, с учетом всех других компонентов, которые предопределяют формирование литературных вкусов, стилей, этических и эстетических идеалов.

III

Изучение истории литературы народов СССР во всем ее богатстве имеет большое воспитательное и идеологическое значение, способствует сближению народов и взаимному уважению. Это могучее оружие в борьбе против национальной замкнутости, отчужденности и теории национальной исключительности. Это прекрасно поняли крупнейшие писатели и общественные деятели прошлого. Замечательный классик армянской литературы и неустанный пропагандист дружбы народов Ованес Туманян писал в 1909 году в газете «Оризон»: «Разве не настало время сблизиться друг с другом, узнать, простить, полюбить... Разве мы знаем простоту русского человека, доброту его сердца, душевную искренность грузина, рыцарство тюрков?»

Вот с какой стороны нужно подходить к народам. И если мы так подойдем к ним, мы встретим у них уважение и любовь. Поэтому нам нужно сердечно приветствовать организованный в Москве союз, который поставил себе целью сближение наций на основе взаимного изучения культур»²⁶.

Глубокое взаимное изучение национальных культур и литератур — давняя мечта лучших умов нашей Родины. При историческом изучении художественной литературы народов СССР, путем прослеживания формирования исторических контактных связей, генетической, идейной, эстетической, типологической общности национальных литератур мы можем раскрыть историческую закономерность тяготения подлинно гуманистической литературы к межнациональному общению, взаимному уважению, сближению и взаимообогащению.

Естественно, встает вопрос: возможен ли такой широкий охват литературных явлений в одном небольшом курсе, учитывая, что не все эти вопросы изучены и освоены? Да и работа при таком размахе превратилась бы в Сизифов труд. По-видимому, речь может идти не об исторических деталях, а об освещении **главных, наиболее важных и**

²⁵ В. И. Ленин. О литературе и искусстве. М., 1957, с. 351.

²⁶ Ованес Туманян. Избранные произведения. М., 1946, с. 391.

художественно ценных явлений. Здесь, пожалуй, целесообразно вспомнить слова Ф. Энгельса: «Глаз, который видел бы все лучи, именно поэтому не видел бы **ровно ничего...**»²⁷. Образно говоря, всеобъемлющий труд превратился бы в Вавилонскую башню, под обломками которой погибли бы и сами ее творцы.

По всей вероятности, части этих вопросов и проблем в «Истории» следует лишь коснуться, какую-то часть оставить для дальнейшего исследования. Может быть, следует повременить, пока не будут решены все неясные вопросы? И в данном случае полезно прислушаться к совету Ф. Энгельса: «Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, а уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»²⁸.

IV

Исследование любого предмета проходит несколько этапов. Первую стадию Ф. Энгельс называет собирательной, наукой о «законченных предметах». Следующая стадия является «упорядочивающей», «наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы... в одно целое»²⁹.

Исследование «законченных предметов», т. е. отдельных памятников и отдельных национальных литератур, накопило такой богатый материал, что сейчас можно перейти к следующему этапу — упорядочению накопленного материала. Первым шагом в этом направлении является попытка прослеживания типологически сходных процессов многонациональной литературы по отдельным периодам развития.

В области социально-экономического развития марксистско-ленинская наука выработала довольно четкую картину периодизации: эпоха рабовладения — феодализма — капитализма — советского периода. В области литературы до сих пор бытует социологический принцип (деление литературного процесса по социальным формациям): «литература эпохи раннего феодализма», «литература разложения феодального строя»... Такое деление раскрывает социально-экономические условия развития литературы, но ничего не говорит о самом литературном процессе. Не случайно в литературной науке в последние годы ведутся поиски собственной периодизации истории литературы. Д. С. Лихачев в своей работе «Развитие русской литературы X—XVII веков» решил нарушить социологическую традицию и положить в ос-

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 554—555.

²⁸ Там же, с. 555.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 303.— Подчеркнуто Ф. Энгельсом.

нову принцип качественных изменений литературного процесса. Применив диалектический закон о переходе количества в качество и скачкообразности перехода из одного состояния в другое, Д. С. Лихачев разбил процесс развития русской литературы XI—XVII вв. на следующие этапы: 1) Сложение литературы, 2) Предвозрождение в литературе, 3) Литература периода «Второго монументализма», 4) Возрастание личного начала в литературе XVII в. и 5) Барокко в русской литературе XVII в.³⁰ В «Изборнике»: «Первое трехсотлетие», «Триста лет Московской литературы», «Век перелома»³¹. Наряду с этим бытует социологический принцип: «Литература периода феодальной раздробленности», «Памятники литературы времени объединения северо-восточной Руси...»³². Подобная социологическая схема является господствующей во многих трудах по истории русской и других национальных литератур. Ф. Энгельс говорил, что взгляд, будто марксизм все сводит к материальному базису и не оставляет места для собственной истории надстроечных явлений, ничего общего не имеет с марксизмом. «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является **единственной активной причиной**, а остальное является лишь пассивным следствием»³³.

Энгельс называет **нелепостью** разговоры о том, будто основоположники марксизма не желают «признать самостоятельного исторического развития» различных идеологических областей³⁴. В. И. Ленин говорит: «...диалектика в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию»³⁵.

Изучая собственную историю литературы со всей ее образной спецификой и соответствующей периодизацией, мы не отвергаем марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке, а творчески его применяем, как это неоднократно предлагали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин.

Боязнь признания за литературой наличия самостоятельной истории (а, следовательно, и самостоятельной периодизации), чтобы «не оторваться» от марксизма, т. е. от учения взаимоотношения базиса и надстройки, ведет не к «соблюдению» марксизма, а к отходу от него.

³⁰ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. АН СССР. ИРЛ (Пушкинский дом). Л., 1973, с. 14, 75, 127, 138, 165.

³¹ «Изборник». Сборник произведений литературы древней Руси. Библиотека всемирной литературы. М., 1964, с. 797—798.

³² Хрестоматия по древней Русской литературе. Составитель М. К. Гудзий. М., 1973, с. 526—527.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. В двух томах. Т. I, М., 1957, с. 99.

³⁴ Там же, с. 107.

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 26, с. 54—55.

При синхронном анализе истории отдельных национальных литератур значительно легче выявить и определить время накопления количественных изменений для перехода из одного качественного состояния в другое. Гораздо сложнее проследить скачкообразное развитие **многонациональной литературы**, в которой события часто не совпадают во времени и пересекаются противоборствующими явлениями. Как известно, процесс появления письменности, период становления художественной литературы и преодоления синкретической стадии, классический период в разных национальных литературах не совпадают во времени. Марксистско-ленинское учение помогает решить и этот вопрос. В примечаниях к «Анти-Дюрингу» Ф. Энгельс говорит: «**Систематика** (т. е. построение абсолютно законченной системы.—П. У.) после Гегеля невозможна... Поэтому тот, кто строит системы, вынужден заполнять бесчисленное множество пробелов собственными измышлениями»³⁶. Эту мысль Ф. Энгельс продолжает в «Диалектике природы». Он опровергает утверждение о том, что в науке можно проследить все явления в их «каузальном сцеплении». Такая наука, продолжает свою мысль Ф. Энгельс, «была бы уже не наукой, а простой игрой»³⁷.

Если бы мы захотели руководствоваться принципом абсолютного тождества при изучении многонациональной истории, мы бы никогда не могли подойти к историческим обобщениям и системам. XIX век России мы называем веком капиталистического развития, в то же время даже в XX веке в ней существовало, как показал Ленин, 5 укладов. Любая периодизация и любая систематизация включает элемент относительности. Как известно, формирование нации связано с развитием буржуазного капиталистического общества и зарождением буржуазных государств. В то же время Энгельс говорит о национальностях и нациях еще в эпоху Эллады: «Старые национальности погибли под ударами римской мировой империи». «Боги, созданные... у каждого отдельного народа, были национальными богами»³⁸.

Несовпадение и неравномерное развитие—явление закономерное. Оно, однако, не зачеркивает логику развития явлений, диалектическую закономерность литературного процесса и закон поступательного развития литературы. Таким образом, требование тождества смежных исторических явлений во всех деталях является и нелогичным, и ненаучным. Закон условности при научном анализе не только допустим, он часто необходим и неизбежен.

Работая над «Критикой политической экономии», К. Маркс столкнулся с проблемой метода. Исследование «можно было проводить двояким образом,—пишет Ф. Энгельс,—исторически или логически». Как

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 630.

³⁷ Там же, с. 534.

³⁸ Там же, т. 21, с. 313.

известно, К. Маркс всюду отстаивал исторический метод. Но в данном отношении он предпочел логический: «История часто идет скачками и зигзагами,— пишет Ф. Энгельс,— и если бы обязательно было следовать за ней повсюду, то пришлось бы не только поднять много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей... Таким образом, единственно подходящим был логический метод исследования. Но этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»³⁹.

* * *

Литература народов СССР начинает свою летопись в IV веке нашей эры: армяне, грузины — с IV—V вв., таджики, азербайджане и узбеки — с IV—VIII вв., восточные славяне и молдаване — с IX—X вв., прибалтийские народы — с XIII—XIV вв. Исторический путь литературы народов СССР начинается в эпоху раннего феодализма. Пройдя через разные эпохи социально-экономического, политического и культурного развития, зарождения, расцвета и упадка феодализма, формирования и утверждения капиталистических отношений, обострения антагонистических противоречий и загнивания буржуазно-капиталистического строя, Великой Октябрьской социалистической революции и успешного строительства коммунистического общества — литература народов СССР отражает сложный путь развития общественной и духовной жизни народов. Она формировалась под непосредственным воздействием социально-экономического базиса и носит на себе отпечаток мировоззрения, влияния этических и эстетических идеалов как господствующих, реакционных классов и слоев, так и прогрессивных. Основой основ этого конфликта были противоречия экономического порядка.

«Мы делаем нашу историю сами,— говорит Ф. Энгельс,— но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими»⁴⁰.

Вся семнадцативековая история литературы народов СССР развивалась закономерно. Она шла путем непрерывного движения, накопления новых явлений и отмирания всего того, что отжило свой век.

Что является главным в этом непрерывном движении литературного процесса? Наше советское литературоведение пришло к согласованному мнению, что центром всей истории художественной литературы является **диалектика изображения человека**⁴¹. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе» заклеили теологическое суждение о господстве

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 497.

⁴⁰ Там же, т. 37, с. 395.

⁴¹ Советская литература и мировой литературный процесс. Изображение человека. АН СССР, ИМЛИ, М., 1972; А. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. АН СССР, ИРЛ, М.—Л., 1958.

надчеловеческого начала в истории: «История не делает **ничего**, — читаем в «Святом семействе», — она «не обладает **никаким** необъятным богатством», она «не сражается **ни в каких** битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения **своих** целей. История — **не что иное**, как деятельность преследующего свои цели человека»⁴².

В диалектическом процессе развития литературы человек встает перед нами во всей своей исторической обусловленности: то страдающий, кающийся и ищущий, то борющийся против иноземных нашествий, деспотизма, мракобесия, материального и **духовного** гнета. Таким образом, литература наших народов на протяжении многих веков не только отражала социальные и идеологические сдвиги, она творила **свою собственную историю**, которая распадается на ряд крупных, качественно отличающихся друг от друга и неравномерных по протяженности периодов.

В чем состоит **основная тенденция** поступательного развития литературы народов СССР дооктябрьского периода? По всей вероятности от воспевания божества — к возвышению человека, его разума и подвигов на благо семьи, общества и народа; от религиозных песнопений и обслуживания культовых обрядов, от мистического противопоставления «потусторонней жизни» жизни реальной — к гражданской лирике и поэтизации высоких этических и эстетических качеств самого человека; от заимствования мифологических героев и сюжетов — к сближению с реальной жизнью. И, наконец, от придворной панегирической поэзии и лицемерного прислуживания «сильным мира сего» — к подлинно народной, подлинно свободной литературе, всеми нитями связанной с подъемом освободительной борьбы народных масс и прогрессивного человечества за переделку мира. С выявлением этих тенденций литературного развития связана проблема классификации и периодизации литературы народов СССР дооктябрьской эпохи.

V

При историческом построении курса особое значение приобретает правильное решение проблемы периодизации, основная задача которой — выявить типологические черты каждого исторического этапа, очертить его научно обоснованные грани и упорядочить эмпирически накопленный литературный материал.

Принцип материалистической диалектики все глубже входит в советское литературоведение. Анализируя процесс развития русской ли-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 102.

тературы XVI в., Д. С. Лихачев пишет: «XVI век отмечен ростом интереса к историческим личностям, но этот рост — пока лишь количественный; качественно интерес этот остается все тот же»⁴³. Перелом или скачок, отмечает автор в ряде других мест, совершается лишь в XVII в.

Литература прошла несколько таких этапов или периодов.

Первый период по протяженности охватывает 6 веков: от зарождения письменной литературы (IV в.) до утверждения Человека в литературе (X в.). Это период становления или формирования художественной литературы. Д. С. Лихачев ранний этап литературного процесса называет периодом «сложения»⁴⁴.

Основной особенностью первого периода является его **синкретизм**. Характерная черта: господство христианской, исламской, буддийской теологии, переплетение элементов разных верований (новых религий и язычества), сочетание в одном труде исторических, религиозных и мифологических элементов, смешение поэзии с прозой, языческой мифологии с исторической хроникой и т. п. (творчество Фавстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци, летописи, житийная литература). Человек в литературе этого времени — страдающий, кающийся, молющийся, значительно реже — ищущий и бунтующий. Божеством он оттеснен на второй план. Все это — **типологические** явления. Они господствуют во всех литературах в ранней стадии их развития. Разница лишь во времени: в таджико-персидской литературе это IV—IX века, в закавказских литературах — V—X вв., в прибалтийских литературах — до XVII—XVIII вв.

В период становления художественной литературы происходит отпочкование художественных, исторических, научных и религиозных жанров внутри синкретической литературы, в результате чего к концу IX—X века в ряде национальных литератур происходит скачок — выделение советской художественной литературы и появление первых ее классиков⁴⁵. С этого времени художественная литература начинает свою собственную историю.

Все это позволяет определить первый период литературы народов СССР, как **период становления или сложения**.

Второй период литературы народов СССР охватывает X—XV вв. и совпадает с эпохой утверждения и развития феодальных отношений. По своему характеру он является **классическим**⁴⁶.

⁴³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. АН СССР, ИРЛ (Пушкинский дом). М.—Л., 1958, с. 24.

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 14.

⁴⁵ Здесь речь идет о старейших литературах народов СССР (таджико-персидская, армянская, грузинская, азербайджанская и узбекская). В ряде других литератур, как уже отмечали, отпочкование художественной литературы от синкретического состояния произошло позднее.

⁴⁶ В I томе «Истории советской многонациональной литературы» (стр. 60) начало классического периода у ряда народов (армян, грузин, таджиков) отнесено к IV—

Этот шестисотлетний период отмечен утверждением человека в художественной литературе, обострением борьбы с теологией и обскурантизмом, расцветом классической художественной литературы, ее гуманистических идеалов.

Для этого периода вполне подходит характеристика европейского Ренессанса в работе М. Б. Храпченко «Семиотика и художественное творчество»: «Художники Ренессанса по-новому — в сравнении с мастерами средневековья — увидели и изобразили человека, его жизнь. Средневековый культ «чистой» духовности, вера в предустановленный ход вещей и потустороннее бытие как цель существования людей сменились в эпоху Возрождения поэтизацией земного, творческой силы человека. В ренессансном искусстве человек предстал в многообразии его чувств, окрыленным большими стремлениями, исполненным горячего жизнеутверждения»⁴⁷.

Поэзия этого периода была не только поэзией. Великие писатели при каждом удобном случае стремились откликнуться на актуальные вопросы общественной жизни. В «Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» мы встречаем памятники художественной литературы и имена писателей той эпохи, представляющие не только художественное слово, но также философскую и научную мысль.

«Крупной вехой в развитии философской и общественно-политической мысли русского народа на этом этапе истории были такие произведения, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и другие, в которых ярко отражались взгляды передовых общественных слоев той эпохи»⁴⁸.

Это явление не изолированное, а общее, оно касается многих народов: Шота Руставели (Грузия), Низами (Азербайджан), Мхитар Гош (Армения), Фирдоуси, О. Хайям, Иби Син, Бируни и др. (Средняя Азия).

Благодаря своим возвышенным общественным и эстетическим идеалам многие памятники этого периода стали настоящей школой для высокохудожественной, идейной и патриотической литературы. Именно поэтому лучшие произведения многовековой литературы народов СССР не перестают интересовать нас и сегодня, они и теперь служат могучим оружием в борьбе против формализма, безыдейности и аполитизма, за возвышенные идеалы искусства.

У в. Поскольку первые классики появились лишь в IX—X в., начало классического периода следует отнести не к IV, а к X веку.

⁴⁷ Контекст. 1972, с. 31.

⁴⁸ Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. I, АН СССР, М., 1955, с. 8.

Отражая прогрессивные идеалы своей эпохи, великие писатели средневековья не знали узкой профессиональной, племенной, языковой, религиозной и национальной ограниченности. Они отличались глубоким знанием поэтической культуры своего века⁴⁹, философии и конкретных отраслей науки, современной жизни вообще. В композицию своих произведений они включали персонажей различных стран и континентов, переселяли действующих лиц на другие материки, обогащали жизнь разных стран идеями гуманизма. Среди подобных произведений выделяются такие шедевры художественной литературы X—XII вв., как таджикско-персидская поэма-эпопея «Шахнаме» Фирдоуси, азербайджанская «Хамсе» Низами, грузинская «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, общерусская «Слово о полку Игореве»⁵⁰.

Пути-дороги героев этих произведений проходят от армянского Арарата до Аравии, от грузинского Казбека — до Северной Африки и Италии, от балканского Дуная — до Суздаля, Немана и Волги. В поэме «Слово о полку Игореве», автор которой до сих пор не выяснен, читаем:

*«Кони ржут за Сулой —
звонит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле»⁵¹.*

* * *

В IX—X вв. появляются первые классики с мировым именем (Рудаки, Фирдоуси) — певцы любви, радости земной жизни и разума, подвига ради возвышенной дружбы, высоких этических и эстетических идеалов, свободы личности. Расцветают придворная поэзия, культ женщины и вина. Все шире и глубже проникает в литературу и философию пантеизм⁵², растворяющий «небесного венценосца», «верховного пастыря» верующих овечек в природе и в самом человеке. Рождается

⁴⁹ А. М. Мирзоев в своей монографии «Рудаки. Жизнь и творчество» (М., 1968) пишет: в те времена «чтобы стать поэтом, необходимо (было,— П. У.) запомнить наизусть 20 тысяч бейтов (двустийши, — П. У.) старых поэтов и постоянно изучать их диваны» (с. 143).

⁵⁰ В свое время отдельным литературоведам казалось несоразмерным ставить в один ряд «Слово о полку Игореве» с «Шахнаме» Фирдоуси, «Хамсе» Низами и «Витязем в тигровой шкуре» Шота Руставели. За последние четыре года в пользу включения «Слова» в один ряд с упомянутыми поэмами высказались Л. И. Тимофеев («История советской многонациональной литературы», т. 1, 1970, стр. 61—62) и Д. С. Лихачев («История жанров в русской литературе X—XVII вв., Л., 1972, с. 72—74). Несколько раньше об этом высказался автор данной работы («От Рудаки до Донелайтиса», 1969, с. 32. На литовском языке).

⁵¹ Слово о полку Игореве. М., 1955, с. 55.

⁵² Пантеизм — философское учение, согласно которому бог представляет собой безличное начало; это начало находится не за пределами природы, а тождественно с нею; бог как бы растворяется в природе.

и ширится оппозиция официальной религии, появляются ереси и секты (суфизм, карматы, исихазм и др.). Все шире проникает в литературу, по словам Ф. Энгельса, жизнерадостное свободомыслие⁵³, что является важнейшим признаком Ренессанса⁵⁴.

Классический период в литературе народов Закавказья и на Востоке многие ученые называют **Восточным Ренессансом**. У восточных славян он становится предренессансом, периодом «классического расцвета средневекового монументального стиля в изображении человека»⁵⁵.

Третий период охватывает два века: XVI—XVII. От классического он отличается тем, что не имеет единого исторического и эстетического ядра и является **переходным**. Характеризуя этот период русской литературы, Д. С. Лихачев называет его то переходным, то переломным⁵⁶. Слово «переломный» обозначает быстрое, более динамичное свершение, в то же время сам автор признает, что «переход от стихийного проникновения в литературу (данного периода,— П. У.) действительности к первым шагам нового, сознательного к ней отношения совершится не скоро»⁵⁷.

Переходный период в литературе народов СССР противоречив, насыщен как прогрессивными, так и регрессивными явлениями: консервация достижений классического периода, появление эпигонства на Востоке, быстрый рост России в политическом, культурном и литературном отношении. Рождаются ренессансные явления в литовской, белорусской и украинской литературах.

Общим же для всей литературы третьего периода является **уменьшение роли деградирующей придворной поэзии, сближение художественного слова с актуальными жизнью и движением народных масс, дальнейшее вытеснение мифологических элементов**. Рождаются городские мотивы, письменная литература выходит за пределы двора. В русской литературе Д. С. Лихачев выделяет явления «второго монументализма», «Ренессансные черты публицистической мысли», «Возрастание личного начала...», расширение социальной тематики, явления барокко⁵⁸.

Образ человека противоречив и в разных регионах имеет свои специфические черты. На Востоке он выступает то в образе странствующего хариба (Кучак), то доведенного до отчаяния бунтаря (Турда), выдающегося государственного деятеля (Бабур), протестанта (Машраб), суфийского монаха-отшельника. Все ярче вырисовывается

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 346.

⁵⁴ Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы, АН СССР, ИМЛИ, М., 1967, статья В. Семанова, с. 500.

⁵⁵ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, с. 5.

⁵⁶ Там же, с. 27, 67, 119, 120, 167.

⁵⁷ Там же, с. 67.

⁵⁸ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 127, 10, 138, 159, 165.

освещенный идеями Ренессанса образ человека у восточных славян и, отчасти, у прибалтийских народов. Он выступает то как проповедник государственной мудрости (Пересветов), просветитель книгопечатник (Ф. Скорина), певец природы (Хусовианус-Гусовский, Сарбевиус), бунтующий еретик и протестант.

Четвертый период охватывает один восемнадцатый век.

Несмотря на неравномерное развитие исторического и литературного процесса, в ряде районов (восточные славяне, Прибалтика, Закавказье) наблюдается зарождение и развитие **идей просвещения**: усиливается борьба с крепостным правом и его опорой — церковью, увеличивается число произведений светской литературы, все громче слышны голоса протеста против социального и духовного гнета.

В украинской литературе дуновение новой эпохи с ее просветительскими идеалами представляют Сковорода (1722—1794) и Котляревский (1769—1838), в латышской — Гарлиб Меркель (1769—1850), в литовской — Донелайтис (1714—1780), в армянской — целый ряд просветителей армянских колоний. На рубеже эпохи Просвещения стоят армянский поэт Саят-Нова (1712—1795) и азербайджанский Вагиф (1717—1797).

Гораздо труднее начертить границу между XVI—XVII и XVIII вв. в литературах народов Средней Азии, но и здесь острая борьба с феодальным гнетом и религиозной реакцией, защита идей гуманизма выдвинули ряд примечательных писателей, наследие которых свидетельствует о начале новых веяний. Из таких писателей следует отметить Машраба и Турды (узбекск.), Насафи (таджикск.), Бедиль (индийско-таджикск.). Эти писатели принадлежат к концу XVII — началу XVIII в. Особо выделяется среди них Махтум-Кули (туркменск. 1733—1782).

Наиболее ярко идеи просвещения отразились в русской литературе. Ленин так характеризует российское просветительство XVIII в.: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками... И на Западе и в России они совершенно искренне верили в общее благоденствие и искренне желали его, искренне не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»⁵⁹.

Русская литература XVIII в. совершает крупный скачок. Формируются течения и направления, появляются журналы, быстро растет книгопечатание. Господствующим направлением русской литературы XVIII в. был классицизм, но к концу века появляется сентиментализм,

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 520.

зарождается реалистическое направление внутри классицизма (Фонвизин) и сентиментализма (Радищев). Особое место в литературе занимает сатира. Крупнейшими представителями русской литературы XVIII века являются Ломоносов (1711—1765), Сумароков (1718—1777), Фонвизин (1744—1792), Державин (1743—1816) и Радищев (1749—1802).

Пятый период занимает XIX — начало XX века. Это последний этап дооктябрьского развития литературы народов СССР. Ведущим направлением литературы XIX в. является **реализм**. Это век исторических сдвигов в политической, экономической и культурной жизни народов Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, Поволжья и других районов. Значительную роль в этих сдвигах сыграло присоединение их к России (конец XVIII—XIX вв.). Оценка Марксом прогрессивного значения присоединения народов Кавказа и Центральной Азии к России.

Следует отметить бурный рост национальных литератур в XIX — начале XX в.: 15 национальных литератур в XVIII в.⁶⁰ и около 25 к началу XX в.⁶¹ Наряду с увеличением количества национальных литератур в несколько раз увеличилось количество классиков: в русской литературе с 6—7 в XVIII в. до 32—35 к началу XX в.⁶²; в украинской, белорусской, литовской, латышской, эстонской, грузинской, армянской, азербайджанской литературах за XIX — начало XX в. количество классиков выросло до 5—12 в каждой национальной литературе. Общее количество известных классиков народов России за этот период превышает 100, значительная часть их наследия вошла в историю всесоюзной и мировой литературы: это Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой и др. русские писатели; Тарас Шевченко, Иван Франко, Леся Украинка (украинские); Франц Богушевич, Янка Купала, Якуб Колас (белорусские); Антанас Баранускас, И. Майронис и Юлюс Янонис (литовские); Андрей Пумпур, братья Каудзити, Янис Райнис (латышские); Фридрих Крейцвальд, Эдуард Вильде и Антон Тамсааре (эстонские).

Заметно развиваются литературы народов Кавказа. Многие классики кавказских литератур известны не только всесоюзному читателю, но и за пределами нашей Родины. Это Мирза-Фатали Ахундов, Джалил Мамед-Кули-заде, Мирза-Алекбер Сабир (азербайджанская литература); Хачатур Абовян, Ширвин-заде, Ованес Туманян (армянская литература); Николай Бараташвили, Илья Чавчавадзе, Акакий Цере-

⁶⁰ Армянская, грузинская, таджикская, азербайджанская, узбекская, русская, украинская, белорусская, латышская, эстонская, литовская, молдавская, туркменская, татарская и уйгурская.

⁶¹ Кроме перечисленных 15 литератур, в XIX — начале XX в. появляются: осетинская, казахская, еврейская, башкирская, чувашская, коми, адигская, аварская, кумикская, лезгинская, каракалпакская литературы.

⁶² Подсчет количества национальных литератур и классиков дан по вузовским программам русской литературы и литератур народов СССР.

тели (грузинская литература); Коста Хетагуров (осетинская); Ахмед Дониша (таджикская); Мола Непес (туркменская); Абай Кунанбаев (казахская); Габдулла Тукай (татарская); Василе Александри (молдаво-румынская); Шолом Алейхем (еврейская). В сокровищницу многонациональной литературы России XIX—начала XX в. внесли свою лепту такие народные певцы, как Джамбул Джабаев (казахская литература), Сулейман Стальский (лезгинская), Тоголок Молодко и Токтогул Сатылганов (киргизская) и ряд других.

В XIX—начале XX в. происходят значительные сдвиги в тематике, жанрах, в области стиля, направлений литератур народов России. Новые веяния проникают в литературы народов Закавказья и Средней Азии, растет влияние просветительских и гуманистических идей, усиливаются гражданские мотивы, обогащается художественная форма; формируются реалистическая поэзия, проза, драматургия.

В литературе народов России XIX в. нарастают антикрепостнические и освободительные мотивы. Намечается поворот в сторону реализма и критического реализма, литературы взаимообогащаются.

В литературе под воздействием движения народных масс наступает новая фаза борьбы двух культур.

Усиливается влияние русской классической литературы на литературы народов России. Лучшие мотивы литератур Востока, Прибалтики, Украины и других народов обогащают творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островского, Горького.

«Взаимные влияния и общность намного усилились, когда народы стали жить в едином государственном и экономическом объединении, под воздействием передового общественного движения России. Освободительное движение в России на всех трех его этапах формировало передовую общественную мысль народов всей страны, определило содержание всех национальных литератур»⁶³.

В конце XIX—начале XX в. развиваются идеи пролетарского интернационализма, появляются революционная марксистская печать и пролетарская литература.

Максим Горький, Валерий Брюсов, Абай Кунанбаев, Мирза-Фатали Ахундов, Илья Чавчавадзе, Ованес Туманян, Янка Купала, Юлюс Янонис и другие прогрессивные писатели пропагандируют идеи дружбы народов и межнациональных литературных контактов.

Большое значение в деле упрочения взаимосвязей между прогрессивной литературой разных национальностей России имела революция 1905 г. В революционных национальных литературах начала XX в.: в творчестве М. Горького, Я. Райниса, И. Билюнаса, Ю. Янониса, Я. Ку-

⁶³ Л. И. Тимофеев. На пути к творческому единству.— История советской многонациональной литературы, т. 1, с. 63.

палы, Алоизи Тетки, Акопа Акопяна, Леси Украинки и др.⁶⁴ намечаются сходные типологические явления.

Появляются ленинские статьи о Льве Толстом, «Памяти Герцена», «Партийная организация и партийная литература», ленинские высказывания по национальному вопросу, которые оказали большое влияние на формирование марксистских литературоведческих взглядов в многонациональной прогрессивной литературной критике.

В конце XIX — начале XX в. намечаются признаки упадка буржуазной культуры и литературы России. Появляются декадентские течения. В то же время рождается пролетарская литература, формирует-ся литература социалистического реализма.

Литературный процесс народов России в начале XX в. вплотную подходит к бурным событиям Октябрьской социалистической революции, подготавливает лучшую часть прогрессивных писателей к восприятию идей всенародной революции и переходу лучших представителей многонациональной литературы к новому этапу своего развития — к советскому.

VI

Решение проблемы периодизации истории литературы народов СССР дооктябрьского периода непосредственно подводит нас к итоговой задаче нашей работы — **начертанию структуры курса.**

При попытке решить этот вопрос мы сталкиваемся с двумя противоположными явлениями: а) необходимостью охвата всей многонациональной литературы и анализа ее по требованиям литературной науки; б) невозможностью уложиться в отведенное для курса время, ибо при попытке охватить все литературные явления возникает опасность превратить курс в своеобразную энциклопедию. В то же время отказ от традиционного принципа историзма и последовательного ознакомления аудитории (читателя) с текстами национальных литератур мешает переходу к типологическому, сравнительному или другому анализу, ибо нельзя приступить к изучению закономерностей литературного процесса, не зная самих явлений. «Надо сначала знать, что такое данный предмет,— говорил Ф. Энгельс,— чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят»⁶⁵.

Логическое противоречие диктует необходимость: 1) тщательного отбора памятников литературы, имен писателей и их наследия и 2) сочетания краткого синтетического обзора литературного процесса по

⁶⁴ О типологических явлениях реализма и формировании социалистического реализма в конце XIX — начале XX в. см.: — Н. С. Надъярных. Типологические особенности реализма. АН СССР, ИМЛИ, М., 1972.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 303.

периодам, включая сюда и анализ вопросов проблемного характера, с монографическими главами (в рамках отведенного времени). Среди тем проблемного характера следует выделить: а) процесс становления литературы, б) усиление взаимосвязи и взаимообогащения национальных литератур X—начала XX в., в) типологические явления межнационального характера в литературном процессе, г) зарождение социалистического реализма, д) монографический анализ наследия (памятников)⁶⁶.

Предпоследний раздел имеет большое методологическое и методическое значение: он подводит черту под обзором многовекового процесса литературы дооктябрьского периода и подготавливает слушателя (читателя) к новому этапу развития литературы нашей многонациональной Родины.

Такая конструкция курса не исключает изучения отдельных литератур и наследия отдельных классиков в спецкурсах.

К вопросу конструкции курса многонациональной литературы следует подойти диалектически: учесть необходимость вскрытия закономерностей литературного процесса, осветить характерные черты каждого этапа, выделить те явления процесса, которые перекликаются с поступательным движением определенных периодов и конечным этапом истории литературы — советским.

Протестуя против кустарщины в обучении молодых писателей, М. Горький в письме к Щербакову предлагал так поставить литературную учебу, чтобы при обучении была «взята вся история культуры прошлого,— и как прямое ее продолжение — материал Советской соц. культуры»⁶⁷.

Под словом «культура» М. Горький подразумевал и литературу.

Курс истории литературы народов СССР должен способствовать претворению в жизнь основной задачи, поставленной XXIV съездом КПСС: «Формирование мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры»⁶⁸.

Май, 1974

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса

⁶⁶ Выбор отдельных памятников, наследия писателей или отдельных национальных литератур для монографического исследования решают кафедры на местах, причем следует учесть наличие специалистов на месте, разработанность данной темы, возможность кооперации (обмен специалистами) в процессе чтения курса с другими вузами.

⁶⁷ М. Горький и советская печать. Архив А. М. Горького, т. X, кн. 1. АН СССР, ИМЛИ, М., 1964, с. 382.

⁶⁸ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, с. 107.

DAUGIATAUTĖS LITERATŪROS KURSO KONSTRUKCIJOS PROBLEMS

Priešpalinis laikotarpis

P. UZKALNIS

Re z i u m e.

Straipsnyje apžvelgiama 40 metų TSRS tautų literatūros kurso istorija, įvairūs jos konstrukcijos metodai bei variantai ir „Programos“ projektai. Autorius gina **istorinį** kurso konstrukcijos principą. Sintezuojant TSRS tautų literatūros procesą, straipsnyje nužyginamos daugiatautės literatūros istorijos tipologinės paralelės, svarbiausia kurių yra **žmogaus koncepcijos evoliucija**. Autorius pasiremia marksizmo klasikų teiginiais, kad visa, kas vyksta istorijoje, kuria tikras, gyvas, siekiantis savo tikslo žmogus. Žmogus kuria tą aplinką, kurioje jis pats formuojasi.

Sprendžiant metodologinius ir metodinius TSRS tautų literatūros istorijos, jos periodizacijos ir kurso konstrukcijos klausimus, straipsnyje remiamasi **integracijos** principu, filosofijos ir estetikos istorijos, TSRS ir pasaulinės istorijos, TSRS tautų literatūros dėstymo patyrimu, taip pat naujausiais daugiatautės literatūros istorijos mokslo duomenimis. Straipsnyje akcentuojama F. Engelso mintis, kad negalima išleisti iš akių ideologijos, politikos, o taip pat literatūros ir meno istorijos savarankiškumo. TSRS tautų literatūros kursas turi ne kopijuoti svetimų disciplinų periodizaciją, o išaiškinti ir nustatyti **savus** literatūros vystymosi periodus, kurie atspindėtų kiekybinį ir kokybinį daugiatautės literatūros proceso kitimą.

Straipsnyje, remiantis materialistinės dialektikos dėsniais, septyniolikos amžių TSRS tautų literatūros istorija (IV—XX a., įskaitant ir tarybinį laikotarpį) skirstoma į 6 periodus: 1) grožinės literatūros formavimosi periodą (IV—IX a.), 2) klasikinį (X—XV a.), 3) pereinamąjį (XVI—XVII a.), 4) švietimo idėjų formavimosi (XVIII a.), 5) realizmo (XIX—XX a. pradžios) ir 6) tarybinį.

PROBLEMS OF MULTINATIONAL LITERATURE COURSE

(Pre-revolutionary period)

P. UZKALNIS

S u m m a r y

The author of the paper reviews the history of the Soviet Union national literature of 40 year period, its various construction methods and

variants and the projects of "The Program" upholding **the historical** course construction principle. Synthesizing the USSR national literature process, the author marks off the typological parallels of the multinational literary process singling out **the evolution of the concept of human being** as the most important. The author refers to the tenets of the classics of Marxism that "history is not something indefinite" but it is created by the real, live man, pursuing his aim, creating the surroundings in which he himself is moulded.

In the solution of methodological and methodical problems of the USSR national literature, its division into periods and the course construction questions the principle of **integration** is used. The author refers to the history of philosophy and aesthetics, to the Soviet Union and the world history, the experience of the USSR national literature teaching and to the latest data of the history of the multinational literature. F. Engels' idea that one can not level self-independence of ideology, politics, literature and art is underlined in the article. The USSR national literature course should not copy the periods of other branches of science but find out and fix its own periods of literature development, which would reflect quantitative and qualitative changes of the multinational literature process. In the article, the author guided himself by the laws of **the dialectical materialism**,— the continuous development of literature and art, the uninterrupted quantitative and qualitative changes leading to the crisis which marks the transformation from one quality to another, the end of one period and the beginning of the other. Consequently the author divides the 17-century history of the USSR national literature (4th-20th centuries, the Soviet period included) into 6 periods: 1) the formation of belles-lettres (4th-9th centuries), 2) the classical (9th-10th centuries), 3) the transitional period (16th-17th centuries), 4) the formation of Enlightenment ideas (18th century), 5) the period of realism (19th-the beginning of the 20th century), 6) the Soviet period.